

A romantic close-up of a young man and woman in a field. The woman on the left has long, wavy brown hair and is wearing a dark green jacket. The man on the right has short, wavy brown hair and is wearing a blue denim jacket. They are looking at each other with soft expressions, their faces nearly touching. The background is a soft-focus field of tall grass and yellow flowers under a warm, golden light.

Мелисса Левисенко

**Осколки
теплого лета**

Мелисса Левисенко
Осколки теплого лета

«Автор»

2026

Левисенко М.

Осколки теплого лета / М. Левисенко — «Автор», 2026

История о любви подростков, которая не выдержала тяжести чужих ожиданий. Адель и Сэм прошли через тёплые моменты лета, научились видеть красоту в обыденном и верили, что их связь крепче любых бурь. Но давление семьи, страх потерять привычный мир и неспособность Сэма открыто противостоять обстоятельствам постепенно разрушили их отношения. Горькая правда привела к болезненному разрыву: Адель устала быть «секретом» и выбрала себя, а Сэм, осознав потерю, так и не нашёл слов, чтобы всё исправить. Это история не о предательстве, а о том, как даже искренние чувства могут разбиться о нерешительность и внешнее давление — и о тихом мужестве идти дальше, когда «вместе» больше не получается.

© Левисенко М., 2026

© Автор, 2026

Мелисса Левисенко

Осколки теплого лета

Осколки тёплого лета

История о любви, которая не выдержала тяжести чужих ожиданий. Адель и Сэм прошли через тёплые моменты лета, научились видеть красоту в обыденном и верили, что их связь крепче любых бурь. Но давление семьи, страх потерять привычный мир и неспособность Сэма открыто противостоять обстоятельствам постепенно разрушили их отношения. Горькая правда привела к болезненному разрыву: Адель устала быть «секретом» и выбрала себя, а Сэм, осознав потерю, так и не нашёл слов, чтобы всё исправить. Это история не о предательстве, а о том, как даже искренние чувства могут разбиться о нерешительность и внешнее давление — и о тихом мужестве идти дальше, когда «вместе» больше не получается.

Адель сидела на заднем сиденье машины, прижав лоб к холодному стеклу. За окном плыли знакомые огни: вывеска любимой кофейни, где она каждое утро брала латте с ванилью, поворот к парку, где они с подругами кормили уток, старый книжный с облупившейся вывеской — всё это было её городом, её жизнью. А теперь она уезжала. Отец тихо переговаривался с мамой спереди, в голосе отца слышалась гордость — новая должность, новые возможности. А у Адель внутри всё сжималось от тоски.

Неделя пролетела как в тумане. Новый дом казался чужим: стены пахли краской, коробки стояли не распакованными, а в комнате было слишком тихо. Чтобы хоть как-то отвлечься, Адель пошла в ближайший парк — туда, где деревья росли густо, тропинки петляли, а воздух пах влажной листвой и свободой. Она шла, засунув руки в карманы, глядя, как солнце садится, окрашивая небо в розово-фиолетовые тона.

И вдруг из-за поворота донеслись голоса — смех, обрывки фраз, звонкая перепалка. Адель замедлила шаг и увидела компанию из пяти человек. Две девушки и трое парней устроились на широкой скамейке у старого дуба. Один из парней — высокий, с растрёпанными тёмными волосами — что-то рассказывал, размахивая руками, и все хохотали.

Адель хотела пройти мимо, но споткнулась о выступающий корень и едва не упала. В тот же миг парень с тёмными волосами подскочил и бросился к ней.

— Эй, осторожно! Тут эти корни вечно всех ловят, — улыбнулся он, протягивая руку.

Адель смущённо кивнула, принимая помощь.

— Спасибо... Я тут новенькая, ещё не выучила все ловушки парка. — Тогда мы обязаны составить тебе карту опасностей, — подмигнул парень. — Я Сэм. А это Кира, Миша, Кирилл и Алёна.

Так началось знакомство. На следующий день Адель снова пришла в парк — будто бы случайно, хотя на самом деле специально выбрала тот же маршрут. И снова наткнулась на ту же компанию. На этот раз Сэм сидел на краю скамейки и листал потрёпанный томик Брэдбери.

— Ты читаешь «451° по Фаренгейту»? — не удержалась Адель.

Сэм поднял глаза, удивлённо приподняв бровь.

— Ага. Это как будто про мир, где всё слишком быстро меняется, и ты не успеваешь за ним. А ты читала?

— Да, в прошлом году. Мне больше всего запомнилось, как люди хранили книги в своей памяти — словно это был единственный способ не потерять себя.

Сэм улыбнулся — по-настоящему, тепло, без наигранности.

— Знаешь, ты первая, кто не сказал «это же скуотица». Обычно все морщатся.

Они проговорили почти час: о книгах, о том, как тяжело привыкать к новому месту, о странных привычках города — например, что в местном кафе всегда забывают класть сахар к чаю. Адель смеялась, и впервые с момента переезда ей показалось, что этот город может стать

своим. Через несколько дней выяснилось, что Сэм, Кира и Миша учатся с ней на одном курсе — втором, в том же колледже, куда Адель только успела поступить. Встретившись в коридоре между парами, Сэм шутливо погрозил пальцем:

— Так вот ты куда сбежала с утренней лекции по экономике! Я думал, ты призрак — мелькнёшь и исчезнешь.

Адель рассмеялась, чувствуя, как уходит неловкость. Теперь они вместе ходили на перемены, делились бутербродами, обсуждали преподавателей и строили теории о том, кто из них тайно пишет стихи. Сэм оказался тем, кто всегда замечал мелочи: если Адель зябко поёживалась, он без слов снимал куртку и накидывал ей на плечи; если она замолкала, он не давил, а просто шёл рядом, пока она не была готова снова говорить.

Постепенно дружба становилась глубже. Однажды после пар они задержались в библиотеке, готовясь к контрольной. За окнами уже стемнело, лампы отбрасывали тёплый свет на стопки учебников, а в зале стояла уютная тишина. Адель уткнулась в конспект, пытаясь разобраться в формулах, и тихо застонала:

— Я никогда этого не пойму.

Сэм наклонился к её тетради, его плечо почти касалось её плеча.

— Давай разберём по шагам. Ты умная, просто сейчас устала.

Он объяснял медленно, подбирая простые слова, и Адель вдруг поймала себя на том, что смотрит не на формулы, а на его руки — на длинные пальцы, уверенно водящие по странице, на лёгкую морщинку между бровями, когда он сосредотачивался. В груди что-то ёкнуло — тихо, но отчётливо.

Она отвернулась, делая вид, что ищет ручку, а на самом деле пряча вспыхнувшие щёки.

— Спасибо, — пробормотала она. — Ты... ты хороший друг.

Сэм на секунду замер, потом мягко улыбнулся:

— Рад, что могу быть полезен. Но знаешь, иногда полезно просто посидеть и ничего не решать. Хочешь, пойдём купим по горячему шоколаду и посидим на скамейке? Говорят, от холода формулы лучше запоминаются.

Адель кивнула, стараясь не выдать, как сильно бьётся сердце.

Дни складывались в недели. Они узнавали друг о друге всё больше: Сэм признался, что боится высоты, но обожает смотреть на город с крыши; Адель рассказала, как в детстве пряталась под столом во время грозы, пока мама читала ей сказки. Их разговоры становились длиннее, паузы — короче, а взгляды задерживались чуть дольше, чем положено друзьям.

Однажды вечером они шли по набережной, слушая, как волны тихо бьются о берег. Город мерцал огнями, отражаясь в воде дрожащими полосами. Адель зябко куталась в шарф, и Сэм, не спрашивая, приобнял её за плечи — просто чтобы согреть. На секунду Адель замерла, чувствуя тепло его руки, а потом расслабилась, прислонившись к нему.

— Знаешь, — тихо сказала она, — этот город уже не кажется таким чужим. Сэм посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то новое — что-то, от чего у Адель перехватило дыхание.

— Потому что ты перестала смотреть на него как на временное пристанище, — сказал он мягко. — Ты начинаешь видеть здесь своё место.

И... я рад, что могу быть частью этого.

В тот момент Адель поняла: дружба переросла во что-то большее. Не кричащее, не требующее слов — но настоящее. И когда Сэм чуть крепче сжал её плечо, а она доверчиво прижалась к нему, стало ясно: они больше не просто друзья.

Осень потихоньку вступала в свои права: листья на деревьях из зелёных становились янтарными и медными, воздух — прохладнее, а дни — короче. Адель уже не чувствовала себя в новом городе такой потерянной. Она всё чаще улыбалась, а тоска по старому дому теперь приходила не каждый день, а лишь изредка — тихим эхом где-то в груди.

В колледже всё тоже по немногу налаживалось. На лекциях Адель уже узнавала знакомые лица, в столовой знала, у какой стойки быстрее обслуживают, а в библиотеке нашла свой любимый уголок у окна, откуда было видно, как ветер гоняет по двору ворохи опавшей листвы. И, конечно, рядом всегда была компания: Кира с её бесконечными историями, Миша, который вечно терял конспекты и тут же находил их у кого-нибудь из друзей, Кирилл и Алёна, которые иногда казались почти взрослыми из-за своей уверенности, и Сэм — тот, с кем даже молчание было уютным.

Однажды в субботу Кира объявила:

— Сегодня мы идём в старый кинотеатр на окраине. Там крутят «Общество мёртвых поэтов». Говорят, зал крошечный, кресел мало, зато атмосфера — как из другого века.

Адель немного замялась:

— А меня точно можно? Я ведь не так давно с вами...

Сэм, который как раз завязывал шнурки, поднял голову и улыбнулся:

— Ты с нами. Без обсуждений.

Кинотеатр и правда оказался совсем не таким, как современные мультиплексы: деревянные полы скрипели, кресла были потрёпанными, но мягкими, а экран — большим и живым, будто кино дышало вместе с залом. Когда на экране появился Робин Уильямс, Адель поймала себя на том, что сжимает пальцами край свитера, а Сэм, сидящий рядом, чуть наклонился вперёд, будто хотел стать частью происходящего.

После фильма они долго шли по тёмным улицам, обсуждая каждую сцену, споря, кто из героев прав, а кто просто запутался. Адель смеялась, когда Миша с пафосом цитировал любимые строки, и вдруг поняла, что впервые за долгое время чувствует себя на своём месте.

— Знаешь, — тихо сказал Сэм, когда остальные ушли вперёд, увлечённые спором, — ты сегодня много улыбалась. Мне это нравится.

Адель покраснела и посмотрела себе под ноги, пряча улыбку:

— Просто фильм хороший. И компания хорошая.

Сэм помолчал секунду, потом мягко добавил:

— Я рад, что ты с нами. Честно. Ты... как будто добавляешь в нашу компанию что-то своё. Что-то важное.

Эти слова долго не выходили у Адель из головы. Она ловила себя на том, что ищет его взгляд в коридоре, ждёт, когда он появится у входа в аудиторию, радуется, если он садится рядом на лекции. И каждый раз, когда он замечал что-то только для неё — кивал, подмигивал, передавал записку с шуткой, — внутри становилось теплее.

Близился День города. В колледже объявили, что студенты могут участвовать в организации ярмарки: кто-то помогал с декорациями, кто-то — с играми, кто-то просто раздавал флаеры. Адель вызвалась помогать с оформлением сцены, а Сэм взял на себя координацию волонтеров. Они почти весь день носились по площадке, таскали коробки, развешивали гирлянды, спорили, где лучше поставить фотозону, и смеялись над тем, как ветер уносил плакаты быстрее, чем их успевали прикрепить.

К вечеру ярмарка ожила: повсюду горели огоньки, играла музыка, пахло горячей выпечкой и корицей. Адель стояла у сцены, поправляя ленту, и вдруг почувствовала, как кто-то накинул ей на плечи тёплую куртку. — Ты дрожишь, — сказал Сэм, стоя рядом и глядя на толпу. — Ветер сегодня злой.

Адель хотела вернуть куртку, но он покачал головой:

— Оставь. Я привык.

Они стояли рядом, наблюдая, как город празднует, и в какой-то момент Адель вдруг сказала то, о чём долго думала, но боялась произнести: — Знаешь, я так боялась, что никогда не смогу почувствовать этот город своим. А теперь... теперь мне кажется, что я начинаю его любить.

Сэм посмотрел на неё, и в его глазах было что-то новое — что-то, от чего у Адель замерло сердце.

— Иногда дом — это не место, — тихо ответил он. — Иногда это люди. И я хочу, чтобы ты знала: ты здесь не одна. Ты с нами. Со мной.

Адель не успела ничего ответить — к ним подбежала Кира, размахивая флаером:

— Ребята, сейчас будет фейерверк! Надо занять лучшее место!

Они побежали сквозь толпу, смеясь и толкаясь локтями, как будто ничего не изменилось. Но для Адель всё уже было другим. Она чувствовала, как его ладонь на мгновение коснулась её пальцев, помогая пробраться через плотную толпу, и как потом он не убрал руку, а просто шёл рядом, будто это было самое естественное в мире.

Фейерверк расцветал над городом огненными цветами, отражаясь в её глазах и в его улыбке. Адель смотрела на небо, а потом перевела взгляд на Сэма — и поняла, что дружба давно перестала быть просто дружбой. Теперь это было что-то большее: тихое, но сильное, как течение под спокойной водой.

Когда последние искры растаяли в темноте, они медленно пошли домой. Остальные ребята разбежались по своим делам, а Адель и Сэм шли рядом, не торопясь, будто хотели растянуть этот вечер.

— Спасибо тебе, — тихо сказала Адель, когда они подошли к её подъезду. Сэм приподнял бровь:

— За что?

— За то, что не дал мне чувствовать себя чужой. За то, что показал, что здесь тоже можно быть счастливой.

Он остановился, посмотрел на неё внимательно, словно хотел запомнить каждую черту её лица в свете уличного фонаря.

— Ты заслуживаешь быть счастливой, — сказал он серьёзно, но мягко. — И я... я хочу быть тем, кто помогает тебе в этом. Не как друг. Ну, не только как друг.

Адель задержала дыхание. Сердце колотилось где-то у горла.

— Я тоже этого хочу, — прошептала она, глядя ему в глаза.

Сэм улыбнулся — так, как улыбался только ей, — и протянул руку. Адель вложила в неё свою ладонь, и они пошли дальше, уже не как друзья, а как двое, которые наконец нашли друг друга в огромном, иногда пугающем, но таком прекрасном мире.

Зима подкралась незаметно: сначала просто стало темнеть раньше, потом по утрам на скамейках лежал тонкий слой инея, а к середине декабря город укутался в снежное одеяло. Для Адель эта зима ощущалась совсем не так, как прошлые. Раньше холод казался ей чем-то колючим и одиноким, а теперь в нём было что-то уютное — будто морозный воздух делал моменты рядом с Сэмом ещё теплее.

В колледже всю готовились к новогоднему вечеру. В актовом зале развешивали гирлянды, кто-то приносил мишуру, кто-то спорил о плейлисте, а Адель с Сэмом, Кирой и Мишей отвечали за оформление сцены. Работа кипела: они спорили, где лучше повесить бумажные звёзды, смеялись над тем, как Миша умудрился запутаться в гирлянде, и время летело незаметно.

— Ты смотри, не превратись в новогоднюю ёлку, — поддразнила Кира, помогая Мише выпутываться.

Сэм тихо рассмеялся и, наклонившись к Адель, шепнул:

— Он у нас главный аттракцион вечера.

Адель улыбнулась, чувствуя, как от его близости по коже бегут мурашки — но не от холода, а от чего-то совсем другого.

Ближе к концу декабря куратор объявила, что на новогодний вечер можно прийти с парой, и по колледжу тут же поползли слухи и обсуждения. В столовой только и говорили,

кто с кем пойдёт. Адель старалась делать вид, что ей всё равно, но внутри всё сжималось от волнения. Она не знала, как спросить у Сэма, хочет ли он пойти вместе с ней.

Однажды после пар они задержались в коридоре, пока остальные ребята убежали вперёд, обсуждая планы на выходные. Сэм остановился, будто что-то хотел сказать, и Адель, набравшись смелости, выпалила первой:

— Слушай, а ты... ты пойдёшь на новогодний вечер?

Сэм чуть улыбнулся, будто знал, что она давно собиралась это спросить. — Пойду. Если ты тоже будешь там. Я бы хотел, чтобы мы пошли вместе. Не как друзья, которые просто держатся рядом, а... ну, ты понимаешь.

Адель почувствовала, как щёки заливают румянец, а сердце стучит где-то в горле.

— Я буду. Очень хочу.

Он протянул ей руку, и она вложила в неё свою, не отпуская, пока они шли по коридору, мимо удивлённых взглядов однокурсников и мимо шепотков, которые теперь казались ей не злыми, а почти праздничными.

Новогодний вечер получился шумным, ярким и немного суетливым. В зале пахло мандаринами и хвоей, мигали огоньки, а музыка то становилась громче, то затихала, уступая место смеху и разговорам. Адель надела платье цвета тёмного янтаря — не слишком броское, но такое, в котором она чувствовала себя красивой. Когда Сэм увидел её, он на секунду замер, а потом тихо сказал:

— Ты... потрясающе выглядишь.

Адель смущённо опустила глаза, но тут же подняла их снова, потому что хотела видеть его реакцию.

Они танцевали, когда играла медленная песня, и Сэм держал её чуть осторожнее, чем раньше, будто боялся, что всё это — сон, и если он сожмёт крепче, Адель исчезнет.

— Знаешь, — тихо сказал он, наклоняясь ближе, чтобы она услышала его сквозь музыку, — когда ты только появилась в парке, я подумал, что ты из тех людей, которые ненадолго. Такие приходят, вспыхивают, как фейерверк, и исчезают. А потом понял, что ошибался. Ты не исчезнешь. Ты остаёшься. И я этому очень рад.

Адель прижалась лбом к его плечу, вдыхая знакомый запах его куртки и зимнего вечера.

— Я тоже рада. Честно. Я так боялась, что никогда не найду здесь своё место. А теперь... теперь мне кажется, что я его нашла.

После вечера они вышли на улицу, где снег падал крупными хлопьями, укрывая город мягкой тишиной. Остальные ребята разбежались по домам, а они шли медленно, не торопясь расставаться с этим вечером.

У подъезда Адель остановилась, чувствуя, что слова застревают в горле.

Сэм тоже замер, будто ждал чего-то.

— Спасибо за этот вечер, — наконец сказала она.

— Это тебе спасибо, — улыбнулся он. — Ты сделала его особенным. И тогда он осторожно, будто спрашивая разрешения каждым движением, наклонился и коснулся её губ своими. Поцелуй был лёгким, почти невесомым, как первый снег, но от него у Адель перехватило дыхание. Когда он отстранился, она улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается тепло, сильнее любого зимнего пальто.

— Думаю, теперь этот город точно стал моим, — тихо сказала она, глядя ему в глаза.

Сэм улыбнулся в ответ и взял её за руку, переплетая пальцы.

— А я стану тем, кто будет помогать тебе его любить. Каждый день. И они стояли под падающим снегом, не замечая холода, потому что рядом друг с другом им было по-настоящему тепло.

Весна вступала в свои права медленно, будто не решалась сразу прогнать зиму: то выпадал внезапный снег, то вдруг солнце начинало греть по-весеннему, и тогда с крыш звонко

капало, а воздух становился прозрачным и свежим. Для Адель эта весна ощущалась как начало чего-то большого — будто весь город просыпался вместе с её чувствами, и каждый день приносил что-то новое.

В колледже началась подготовка к ежегодному фестивалю студенческих проектов. Каждый курс должен был представить что-то своё: кто-то ставил миниатюры, кто-то собирал фото-выставку, третьи готовили научные стенды. Адель и Сэм, к удивлению самих себя, оказались в одной команде с Кирой и Мишей — им выпало делать интерактивную инсталляцию про «городские легенды» их нового города.

— Это же идеально, — воскликнула Кира, размахивая распечатками старых газетных вырезок. — Тут столько жутких историй: про заброшенную водонапорную башню, про таинственный свет в старом парке... Мы можем сделать так, чтобы зрители будто сами становились героями этих легенд! Адель улыбнулась, чувствуя, как внутри разгорается азарт. Впервые она не просто «была рядом», а действительно участвовала, предлагала идеи, спорила и радовалась, когда её задумки принимали.

Сэм смотрел на неё с тихой гордостью, будто знал, что именно этого ей и не хватало — ощущения, что её голос важен.

— У тебя здорово получается соединять эти истории с чем-то личным, — сказал он как-то вечером, когда они вдвоём задерживались в пустом кабинете, чтобы доделать макет башни из картона и фольги. — Ты делаешь их не просто страшными, а... живыми. Как будто в каждой легенде есть чьё-то разбитое сердце или чья-то надежда.

Адель покраснела, но не опустила глаз.

— Наверное, потому что я сама сейчас чувствую, будто живу в какой-то истории. И хочу, чтобы в ней обязательно был счастливый конец.

Сэм улыбнулся и чуть наклонился вперёд, опершись локтями о стол. — А если я скажу, что счастливый конец уже начался? Просто мы пока не дошли до последней страницы.

Она рассмеялась, и этот смех прозвучал легко, без прежней грусти. Фестиваль приближался, и напряжение росло. В коридорах только и говорили что о проектах, о том, кто кого удивит, кто сделает лучше. Даже Кирилл и Алёна, которые обычно держались чуть в стороне из-за своей

«старшекурснической серьёзности», заходили посмотреть на их макет и одобрительно кивали.

— Неплохо, — буркнул Кирилл, поправляя очки. — У вас есть атмосфера.

Это редкость.

Алёна подмигнула Адель:

— Главное, не нервничайте в день показа. Зрители любят, когда видят, что вы сами верите в то, что делаете.

В день фестиваля актовый зал гудел, как улей: все бегали, что-то подклеивали, проверяли свет и звук, а Адель вдруг почувствовала, как её накрывает паника. Руки дрожали, в горле пересохло, и на секунду ей показалось, что она не сможет выйти к людям, не сможет говорить, улыбаться, показывать свою работу.

Словно почувствовав это, Сэм подошёл к ней, не говоря ни слова, просто встал рядом и тихо произнёс:

— Ты не одна. Я здесь. Мы все здесь. И знаешь, что самое важное? Эта история — твоя. Ты её придумала, ты её собрала из кусочков. Пусть она будет неидеальной, пусть что-то пойдёт не так — но она настоящая. А это самое ценное.

Адель глубоко вдохнула, чувствуя, как его спокойствие понемногу передаётся ей.

— Спасибо, — прошептала она, сжимая его ладонь на секунду крепче, чем обычно. — Ты всегда знаешь, что сказать.

Их очередь выступать пришла ближе к вечеру. Когда Адель вышла к микрофону, чтобы рассказать про легенды города, голос сначала дрожал, но потом выровнялся, стал увереннее. Она говорила о том, как город хранит чужие тайны, как он умеет прятать боль и дарить надежду, и о том, что иногда, чтобы найти своё место, нужно просто позволить себе стать частью его историй.

Когда она закончила, зал на секунду замер — а потом взорвался аплодисментами. Адель стояла, не веря своим ушам, а потом посмотрела на Сэма, который улыбался так широко, что, казалось, мог осветить весь зал.

После фестиваля они долго гуляли по городу, который в вечерних огнях казался почти волшебным. Кира и Миша убежали вперёд, смеясь и толкаясь, а Сэм и Адель шли чуть медленнее, будто хотели растянуть этот вечер, сохранить его в памяти до последней секунды.

— Знаешь, — тихо сказала Адель, глядя на отражение фонарей в лужах, — я всё ещё скучаю по старому городу. Но теперь это уже не та острая тоска, которая режет изнутри. Теперь это просто тёплая грусть, как воспоминание о чём-то хорошем.

Сэм кивнул, не сводя с неё глаз.

— Иногда нам нужно время, чтобы понять: дом — это не только место, где ты родился. Это место, где тебя понимают. Где тебе рады. Где ты можешь быть собой.

Он остановился и повернулся к ней, и в этот момент Адель поняла, что больше не боится ни перемен, ни будущего, ни даже собственных чувств. — Я рада, что ты стал частью моего нового дома, — сказала она, улыбаясь сквозь слёзы, которые почему-то сами набежали на глаза.

Сэм осторожно обнял её, прижимая к себе, и Адель уткнулась носом в его куртку, вдыхая знакомый запах зимы, улицы и чего-то такого, что теперь она могла назвать своим.

— И я рад, — тихо ответил он, касаясь губами её виска. — И я сделаю всё, чтобы ты никогда не пожалела, что переехала сюда.

Они стояли так несколько минут, пока город жил своей ночной жизнью вокруг них: где-то хлопала дверь подъезда, где-то смеялись прохожие, а где-то вдали гудел поезд, уносящий чьи-то мечты вперёд.

И Адель вдруг поняла: её мечта уже сбылась. Она нашла не просто новый город. Она нашла людей, которые стали ей семьёй, и человека, рядом с которым даже самые большие перемены казались не страшными, а прекрасными.

Весна окончательно вступала в свои права, и впереди было столько дней, столько историй, столько моментов, которые им только предстояло прожить вместе. И впервые за долгое время Адель смотрела в будущее не с тревогой, а с надеждой — и с уверенностью, что рядом всегда будет тот, кто поможет сделать следующий шаг.

Лето подкралось незаметно — будто город выдохнул после напряжённой сессии, и всё вокруг вдруг стало легче, светлее, свободнее. Адель сдала последние зачёты, и впервые за долгое время у неё не было ощущения, что она бежит, не успевая перевести дух. Теперь впереди были целые месяцы, когда можно просто дышать, гулять, смотреть на небо и не думать о дедлайнах.

Сэм тоже вынырнул из учёбы с видом человека, который только что выбрался из бурной реки и теперь с удовольствием шурится на солнце. — Знаешь, что я хочу сделать прямо сейчас? — спросил он, когда они встретились у старого дуба в парке — того самого, где когда-то впервые познакомились.

Адель улыбнулась, уже догадываясь, что сейчас прозвучит что-то безрассудное и оттого особенно притягательное.

— Что?

— Уехать. Не на неделю, не на выходные, а просто сесть в электричку и поехать туда, где никто не знает, кто мы, где нет расписания пар и списков литературы. Туда, где можно целый день сидеть на берегу и смотреть, как облака плывут, будто им некуда торопиться.

Адель на секунду замерла. В груди шевельнулось что-то похожее на страх — а вдруг не получится, вдруг родители не отпустят, вдруг это слишком смело. Но потом она вспомнила, как когда-то боялась даже зайти в этот парк, а теперь стоит здесь, рядом с Сэмом, и ей не страшно. — А давай, — тихо сказала она, сама удивляясь собственной смелости. — Давай просто поедем. Без плана. Без «надо вернуться к семи». Просто... посмотрим, куда нас приведёт дорога.

Они собрали самое необходимое: бутерброды, бутылку воды, плед, который Адель стащила с дивана под предлогом «он всё равно никому не нужен», и старую камеру, которую Сэм нашёл у бабушки на чердаке. Камера не была цифровой, она щёлкала, шуршала и требовала, чтобы к каждому кадру относились как к маленькому чуду.

Электричка везла их прочь от города, мимо полей, где колосилась пшеница, мимо деревень с покосившимися заборами и яркими клумбами у калиток. Адель смотрела в окно, чувствуя, как с каждым километром с неё сползает какая-то невидимая тяжесть.

Когда они вышли на маленькой станции, вокруг пахло нагретой травой, пылью и чем-то бесконечно свободным. Дорога вела через поле к реке, о которой Сэм когда-то читал в старой книжке и с тех пор мечтал увидеть.

— Вот она, — прошептал он, будто боялся спугнуть момент. Река текла неторопливо, отражая небо, и казалась старше самого времени. Они расстелили плед на берегу, сели, сняли кеды и опустили ноги в прохладную воду.

— Знаешь, — сказала Адель, глядя, как рябь бежит от её пальцев, — когда я уезжала из родного города, мне казалось, что счастье — это что-то, что остаётся позади. Что его нельзя взять с собой, нельзя перевезти в чемодане вместе с книгами и любимыми футболками. А теперь я понимаю: счастье — это когда ты можешь вот так сидеть, мочить ноги в реке и знать, что рядом есть тот, кто не станет торопить тебя вставать.

Сэм улыбнулся и лёг на плед, подложив руки под голову.

— Иногда самое важное — это просто быть. Не делать, не достигать, не становиться лучше. А просто сидеть и смотреть, как солнце садится за тот лес.

Адель легла рядом, и они долго молчали, слушая, как поёт река, как кричат ласточки, как ветер шепчет что-то в высокой траве. И в этом молчании было больше слов, чем в любых признаниях.

Позже, когда солнце опустилось ниже и стало золотить воду, Сэм взял камеру, щёлкнул затвором и посмотрел на Адель сквозь объектив.

— Поймай этот момент, — попросила она тихо.

Он кивнул, снова щёлкнул — и в этом звуке будто застыло всё: их смех, их тишина, их «сейчас».

На обратной дороге они делили последний бутерброд, смеялись над тем, как Сэм умудрился сесть прямо на одуванчик и теперь был весь в пуху, и говорили о пустяках, которые вдруг казались самыми важными на свете. В городе уже зажигались огни, и он встречал их не как чужаков, а как своих — будто за эти месяцы успел привыкнуть к их шагам, к их голосам, к тому, как они всегда идут чуть медленнее, если могут растянуть момент. У подъезда они остановились. Сэм посмотрел на неё так, будто хотел запомнить каждую деталь этого вечера: её волосы, растрепанные ветром, её глаза, в которых ещё отражалась река, её улыбку, ставшую такой родной.

— Спасибо, что поехала со мной, — сказал он.

Адель покачала головой.

— Это мне надо тебя благодарить. Ты показал мне, что можно не бояться перемен. Что новый город — это не потеря, а возможность собрать своё счастье заново. По кирпичику. По дню. По мгновению.

Он протянул руку, и она вложила в неё свою.

— Мы ещё много куда съездим, — пообещал он.

— Обязательно, — улыбнулась Адель.

И, поднимаясь по лестнице, она вдруг поняла: её жизнь больше не делилась на «до» и «после» переезда. Теперь была просто её жизнь — с новыми улицами, новыми людьми, новой любовью и ощущением, что впереди столько дорог, что хватит на целую вечность.

Лето набирало силу, дни становились длиннее, а солнце — ярче. Адель и Сэм теперь почти не расставались: то бежали на утренний сеанс в маленький кинотеатр, где крутили старые фильмы, то устраивали пикники на берегу реки, то просто бродили по городу, открывая для себя укромные уголки, о которых не знали даже старожилы.

Однажды Кира предложила:

— Давайте устроим ночёвку у меня на даче. Там тихо, вокруг лес, можно развести костёр, жарить маршмеллоу и рассказывать страшные истории до рассвета.

Адель сперва замялась:

— А родители не будут против?

Кира махнула рукой:

— Мои только рады, что я не сижу дома. К тому же там столько места, что мы друг другу не помешаем.

Сэм улыбнулся, глядя на Адель:

— Ну что, рискнём? Без плана, без расписания — просто ночь, когда можно быть настоящими.

Она кивнула, чувствуя, как внутри разливается приятное предвкушение. Дача Киры стояла на краю леса, окружённая высокими соснами, которые шумели на ветру, будто перешёптывались между собой. Дом был старый, но уютный: скрипучие половицы, запах сухих трав и мёда, окна, распахнутые навстречу вечернему воздуху. Ребята разложили пледы на веранде, разожгли костёр во дворе, и когда стемнело, небо оказалось таким близким, что казалось — протяни руку и достанешь звезду.

Миша, как всегда, начал первым:

— Говорят, в этом лесу когда-то пропала девочка. Она ушла собирать землянику и не вернулась. А по ночам здесь слышен тихий смех... Алёна закатила глаза:

— Ты специально пугаешь всех, чтобы мы жались к огню.

Кирилл тихо рассмеялся:

— Да он сам первый закричит, если ветка хрустнет.

Адель сидела, прижавшись плечом к Сэму, и чувствовала, как тепло от костра смешивается с теплом его руки, едва касающейся её пальцев. Ей не было страшно. Наоборот, в этой темноте, среди друзей, она ощущала себя в полной безопасности.

Когда истории иссякли, разговор стал тише, серьёзнее. Алёна, глядя в огонь, вдруг сказала:

— Через год мы закончим колледж. Кто-то уедет, кто-то останется, у всех будут свои пути. Иногда мне от этого немного грустно.

Кира вздохнула:

— Но ведь это не значит, что мы перестанем быть друзьями. Мы же не просто так встретились.

Сэм чуть крепче сжал пальцы Адель, будто хотел передать ей свою уверенность.

— Мы сами решаем, что остаётся с нами. Люди, воспоминания, моменты. Если мы будем помнить, как сидели здесь, как смеялись, как боялись веток в темноте, — значит, ничто не исчезнет.

Адель посмотрела на него, и в отблесках костра его лицо казалось ей особенно родным.

— Я хочу запомнить всё, — тихо сказала она. — Даже то, что сейчас кажется мелочью: запах дыма, скрип досок, твой голос, когда ты говоришь, что всё будет хорошо.

Он улыбнулся и наклонился к ней:

— Всё и правда будет хорошо. Даже если будет непросто. Даже если придётся выбирать дороги, которые ведут в разные стороны. Я буду рядом.

Столько, сколько смогу.

Они просидели у костра до первых лучей рассвета, пока небо не стало бледно-розовым, а лес не наполнился птичьим гомоном. Потом, усталые, но счастливые, завалились спать на веранде, укутавшись в пледы, и Адель уснула, слыша, как Сэм тихо шепчет:

— Спи. Сегодня был хороший день.

Дни летели, как листья на ветру. Ближе к концу лета отец Адель сказал за ужином:

— В сентябре мне, возможно, придётся на пару недель уехать в командировку. Мама тоже будет занята на работе. Ты ведь уже взрослая, справишься?

Адель кивнула, но внутри всё сжалось. Мысль о том, что дом на время опустеет, снова пробудила ту самую тоску по переменам, которую она так долго прятала.

Вечером она рассказала об этом Сэму. Они сидели на их любимом месте у реки, бросая камешки в воду и слушая, как они прыгают по поверхности.

— Мне страшно, что когда они уедут, дом станет слишком тихим, — призналась она.

Сэм помолчал, потом посмотрел на неё серьёзно, но спокойно: — Если хочешь, мы можем придумать себе маленькие ритуалы, чтобы тишина не казалась такой большой. Например, каждый вечер ты будешь присылать мне фото того, что тебя сегодня порадовало: чашка чая, красивый закат, даже просто кот, который сел на подоконник. А я буду отвечать чем-то своим. И ты не будешь одна.

Адель улыбнулась сквозь подступающие слёзы:

— Это... очень по-твоему. Просто, но так правильно.

— Потому что главное — не быть одному в тишине, — тихо добавил он. — Главное, чтобы кто-то знал, что ты сейчас смотришь на закат и думаешь о чём-то своём.

Лето медленно сдавало позиции: дни становились чуть прохладнее, в воздухе появлялся лёгкий запах осени, а в городе снова закипала привычная суета перед новым учебным годом. Адель начала собирать конспекты, пересматривать списки литературы, и впервые это не казалось ей тяжёлой обязанностью. Теперь колледж был не просто местом, куда нужно ходить, а частью её новой жизни.

В последний день августа они снова пришли к старому дубу в парке — тому самому, где когда-то Адель споткнулась, а Сэм протянул ей руку. Теперь это место стало для них особенным.

— Знаешь, — сказала Адель, прислонившись к шершавой коре, — когда я уезжала из родного города, мне казалось, что я оставляю часть себя там. А теперь я понимаю, что не оставила. Я просто взяла её с собой и нашла ей новое место.

Сэм встал рядом, плечом к плечу, и посмотрел на неё так, будто видел не просто девушку, а целый мир.

— Ты умеешь делать новое своим. Это редкий дар. И я счастлив, что стал частью этого твоего нового мира.

Адель рассмеялась, но в смехе слышалась лёгкая грусть от того, как быстро пролетело лето.

— Значит, впереди ещё столько дней, когда мы будем учиться делать своим что-то новое. Осень, зиму, весну...

— И каждое время года будет своим, — улыбнулся Сэм. — Со своими историями, своими холодными вечерами и тёплыми моментами.

Они пошли по аллее, держась за руки, а город вокруг них тихо готовился к осени: листья чуть шелестели под ногами, ветер приносил запах дождя, а впереди уже мерцали огни фонарей, обещающая, что даже в темноте всегда найдётся тёплый свет, к которому хочется идти.

И Адель знала: куда бы ни завели её дороги, какие бы перемены ни ждали впереди, рядом всегда будет Сэм, который поможет не бояться нового и видеть красоту даже в самых обычных днях.

Осень окончательно вступила в свои права: листья шуршали под ногами, воздух пах дождём и яблоками, а город будто стал тише — будто готовился к долгой зимней паузе. В колледже всё шло своим чередом: лекции, семинары, подготовка к зачётам. Но теперь Адель смотрела на эту рутину иначе. Даже самые скучные пары казались ей частью чего-то важного — ведь после них её всегда ждал Сэм, Кира, Миша, все они собирались в столовой или у входа, чтобы вместе пойти домой, по дороге споря о пустяках и смеясь над тем, как быстро пролетает время.

Однажды куратор объявила, что колледж участвует в городском конкурсе студенческих короткометражек. Тема — «Город, который мы выбираем». Адель сначала просто слушала, как ребята обсуждают идеи, но потом Кира повернулась к ней и сказала:

— Ты столько рассказывала про то, как сначала боялась этого города, а потом он стал тебе родным. Давай сделаем про это? Про то, как место становится домом не из-за адреса, а из-за людей.

Адель замялась, но Сэм кивнул, будто уже видел эту историю в голове: — Это будет честно. А честность цепляет сильнее спецэффектов. Они взялись за дело: писали сценарий, спорили, переписывали, снова спорили и снова переписывали. Миша отвечал за камеру, Кирилл помогал с монтажом, Алёна придумывала, как сделать кадры живыми, Кира была главным генератором идей, а Адель и Сэм писали диалоги — и в этих диалогах всё чаще проскальзывало что-то личное, будто они незаметно вплетали в историю свои собственные чувства.

Съёмки шли по выходным и после пар. Они снимали в парке у старого дуба, на набережной, где вода отражала огни, в пустом актовом зале, который вдруг казался огромным и немного волшебным, когда в него попадал косой луч заката. В один из вечеров, когда почти всё было готово, Адель стояла у окна и смотрела, как дождь стучит по стеклу, а Сэм подошёл и тихо сказал:

— Знаешь, я тут подумал... В финале нам не хватает чего-то очень простого. Чего-то, что любой человек поймёт сразу.

Адель обернулась:

— Чего?

— Пусть в последней сцене герой просто берёт героиню за руку. И они идут по улице, а вокруг город, дождь, мокрые фонари... И не нужно слов. Пусть будет понятно, что они не боятся идти вперёд, даже если не знают, куда именно.

Она улыбнулась, чувствуя, как от его слов внутри становится тепло:

— Это... очень по-твоему. Просто, но так правильно.

В день показа в актовом зале было не протолкнуться. Все курсы, преподаватели, гости из других колледжей. Адель сидела на задних рядах, сжимая пальцы в кулаки, и старалась дышать ровно. Когда на экране пошли первые кадры, она вдруг почувствовала, как Сэм накрыл своей ладонью её сжатые пальцы и тихо прошептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.